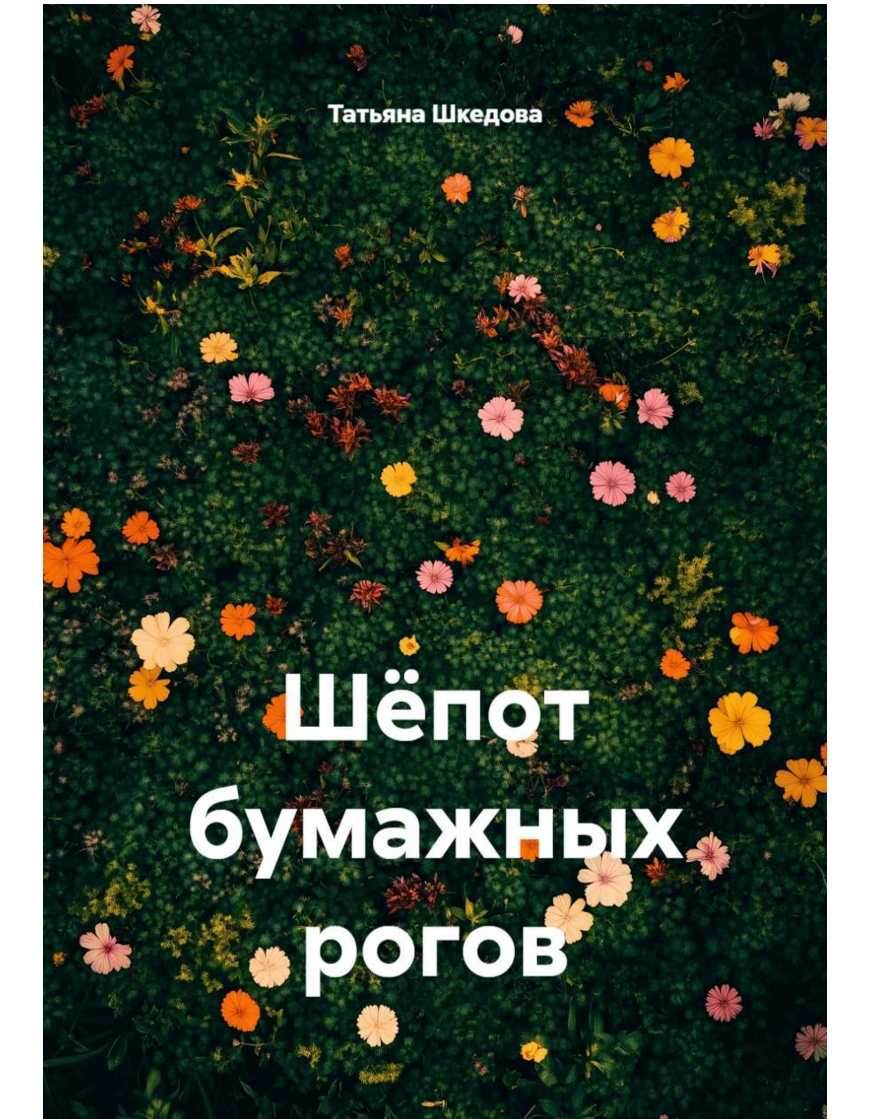

Татьяна Шкедова

Шёпот бумажных рогов

Татьяна Шкедова

Шёпот бумажных рогов

<https://litres.ru/74611964>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если сказка родилась не в далёком королевстве. а прямо здесь - за кухонным столом, под тихий шелест страниц и бабушкин голос?

Этот сборник - как тёплый плед из бабушкиных квадратов в холодный вечер. в нём живут разные истории: весёлые и задумчивые. волшебные и очень жизненные. Но все они - о главном: о любви, которая согревает, о добре, которое возвращается, и о трудностях. которые можно преодолеть. если рядом близкие.

Бабушка-сказочница пишет эти истории для своих внуков - и для всех. кто верит. что чудо живёт совсем рядом.

Для семейного чтения. для детей и взрослых. которые ещё помнят, как это - слушать сказку и улыбаться.

Тепла хочется всем.

Татьяна Шкедова

Шёпот бумажных рогов

Глава 1

Ночью девочка плохо спала и проснулась с тяжелым, противным чувством.

- Вот и солнца нет, пасмурно, дождливо, - отметила она с тоской, бросила взгляд на сиреневый блокнот на столе и прошлепала в соседнюю комнату.

Там она плюхнулась в старое кресло-качалку у камина. На днях в кресле появилась новая подушка – серо-шоколадная, в шотландскую клетку, и девочка утонула в ее мягкости. Кресло мерно укачивало: кач-кач, скрип-скрип.

Девочка повернула голову, за окном всюду щебетали птицы. Они весело порхали по высоким, раскидистым кустам ирги, склевывая последние, сладкие, сочные ягоды. Кусты были их домом – здесь они чувствовали себя полными хозяевами.

- И дождь им не помеха, подумала она. – Завтракают и радуются жизни!

Глядя на них, девочка повеселела: - Нет, не бывает плохого утра! Это все я сама придумала, от своей замороченности.

- Это точно! – раздался вдруг чей-то шёпот.

Девочка вздрогнула и повернула голову на голос. Изумрудный олень-бумажные рога, со стены перед ней, слегка качнул розовыми рогами. Изумлению девочки не было предела. А олень продолжал – и в его голосе слышался шорох бумажный складок:

- Посмотри на мои большие ветвистые рога – это орган сверхчувствительности, они действуют как «антенны» души. Рога устремлены в небо и улавливают тонкие вибрации космоса, передавая их в сердце. Как нет двух одинаковых душ, так нет и двух одинаковых узоров на рогах. Тебе нужно меньше думать, а больше слушать свое сердце, свою душу и телесные сигналы. Когда тебе хорошо, то и душа улыбается.

Девочка заморожено слушала, а олень зашелестел дальше:

- Природа устроена так, что в ней все циклично. Взять, к примеру, твой творческий кризис. Страх чистого листа заложен в самой природе человека - он всегда связан с боязнью сделать первый шаг. Но этот шаг необходим для роста. Сбрасывание старых рогов – идеальный символ такого кризиса: чтобы выросло нечто новое и сильное, нужно пройти через болезненное расставание с прошлым.

Олень замолчал, и лишь бумага чуть слышно шелестела в тишине. Потом продолжил – тише, доверительнее:

И еще, милая, заметь: в старых историях герой часто следует за оленем в лес. Не потому, что олень знает дорогу. А потому, что олень чувствует, куда идти. Ты тоже боишься шагнуть в свою чащу – в чистый лист, в новую историю. Но

если пойдешь не умом, а чутьем – лес сам расступится. Там и найдешь то, что искала.

Рога колыхнулись: - Я давно наблюдаю за тобой со стены, - негромко произнес олень. – Ты талантливая девочка. Но помни: твой талант – это не обязанность быть идеальной. Твой талант уже живет внутри, позволь ему дышать.

Сказав это, олень повернул голову к окну и замер в своем привычном состоянии - будто поставил точку.

Девочка задумчиво молчала, переваривая его слова.

И тут кресло под ней чуть заметно скрипнуло: «скрип-скрип» и еще раз - «скрип-скрип». Следом раздался старческий, чуть потрескивающий голос, исходящий откуда-то из глубины подушки:

- Хорошо он тебе сказал, наш зеленый умник. Только вот беда... Искусство никогда не рождается в стерильной чистоте, оно прорастает сквозь грязь, битые кирпичи и шероховатости.

Девочка вздрогнула: - Кресло? Ты тоже говоришь?

- Приходится иногда, - проскрипело кресло. - Сидеть и слушать – это полезно, - продолжало оно. – Но мудрость мудростью, а истории рождаются не из советов. Они рождаются из живого, теплого действия. Ты же хочешь научиться их писать, верно? А сама боишься чистого листа и не знаешь, с чего начать.

Девочка кивнула, прикусив губу, и ее глаза увлажнились.

- Надо действовать! Действие решает все, - продолжало

кресло, – возьми, к примеру, камин. Сейчас лето, и он пустой и холодный. А вот зимой, бывало, соберется вечером семья у камина, разожгут огонь – и он трещит, искрит, дышит жаром. Сколько историй я переслушала в такие вечера! Хотя бы про этот камин – ведь он уникальный, другого такого во всем свете не сыщешь. Настоящее произведение искусства.

Кресло на секунду замерло, словно вспоминая что-то, а потом продолжило:

- Это не просто очаг, а целый печной ансамбль... Настоящий трехликий великанище: с камином, русской печью с плитой и отопительным щитком. В нем еще есть котел из труб, встроенный прямо в топку. Он забирает тепло от огня и передает его воде. По трубам вода разносит тепло по всему дому.

Его расположили строго посередине, ведь такой величественный ансамбль – это бьющееся сердце дома, объединяющее тепло русской печи и завораживающую магию камина. Побеленный по старинке известью, он сразу бросается в глаза с порога.

- Я помню, как твоя бабушка давным-давно рассказывала, как возводили этого великана... Зимой бабушка неделями по вечерам листала старые книги по печным работам, зачитывала вслух мудреные правила и искала идеальные схемы. Ей хотелось всего и сразу: и хлеб печь, и на огонь камина смотреть, и весь дом обогреть. В готовых чертежах такого чуда не было. Тогда она решила стать архитектором своего теп-

ла. Сама придумывала, как сложить все хотелки вместе, часами разрабатывала проект и бережно, карандашом на тетрадных листочках в клеточку, рисовала порядовки – кирпичик к кирпичику...клеточка – полкирпичика...перевязки – со смещением. Каждая линия на тех схемах была наполнена любовью и мечтой о доме, где никто и никогда не замерзнет.

Лето началось с большой кладки. В будни дедушка и бабушка уезжали на работу, а детям – твоей маме и младшему брату – давалось важное задание. К вечеру им нужно было отобрать ровные кирпичи, без сколов и пережога, чтобы хватало на целый ряд. Занести их в дом, опустить в воду, чтобы набрали влагу, и замочить глину для раствора. Каждый вечер дедушка начинал колдовать над схемами и кирпичами, а бабушка была у него на подхвате – подавала кирпичи и раствор, протирала инструмент и подбадривала мастера. Грязи, пыли и колотых кирпичей в доме, конечно, хватало, но это была приятная суeta созидания.

И так день за днем, кирпичик к кирпичику, шла работа. К середине лета наш будущий великан окреп, набрал силу и подрос до самого перекрытия...

Проход через потолочное перекрытие стал для дедушки настоящим экзаменом на мастерство. Нужно было не просто аккуратно обойти деревянные балки, но и выложить защитную кирпичную разделку – «распушку», чтобы защитить дерево от жара. Бабушка едва успевала отмывать нижний ярус печи от глины, пока дедушка с подмости подгонял каждый

кирпич под самый потолок.

Отрывались листки календаря, худела стопка схем. Потихоньку великан пророс сквозь потолок двухканальным дымоходом и оказался на втором этаже. И здесь он обрел свое продолжение. Рядом с основным дымоходом, прямо на стыке комнат, дедушка заложил еще одну полноценную печь – стройную комнатную «голландку». В отличие от кухонного гиганта снизу – это было изящная, чисто отопительная печь, со своей собственной, независимой топкой, но общей трубой.

Ближе к осени, с первыми желтыми листьями печь достроили. Пройти чердачное перекрытие дедушке уже не составило особого труда – опыт и верный расчет взяли свое.

Теперь работа закипела на чердаке, под самой крышей. Там, в полумраке среди стропил, двух-ходовая труба росла вверх на глазах, стремительно приближаясь к кровле. Дедушка поймал тот самый азартный рабочий ритм, при котором кирпичи ложились один к одному. Бабушка внизу только успевала поворачиваться: она буквально сбивалась с ног, поднимая по лестнице-стремянке то тяжелые ведерки с раствором, то свежие кирпичи. Настоящий семейный подряд, где каждый понимал друг друга без слов.

И вот наступил долгожданный день, когда дедушка прорубил окно в кровле, и труба наконец шагнула в чистое осеннее небо... - тут кресло замолчало и мерно закачалось.

- А дальше? Что было дальше? – с любопытством затор-

мошила девочка кресло.

- О-хо-хо... - подало свой скрипучий голос кресло вновь.
- Дальше была первая растопка. Для всей семьи наступил момент огромного, почти осязаемого волнения. Это был настоящий экзамен для дедушкиных рук и бабушкиного проекта. Разжигали строго по очереди, внимательно прислушиваясь к каждому звуку внутри печного лабиринта. Первый довольный вздох ожившей русской печи вызвал улыбку на сосредоточенных лицах дедушки и бабушки.

- Ну что! Дело пошло! – воскликнул довольный дедушка.
Следом дошла очередь и до печи на втором этаже. Стройная голландка запела веселым гудением – и здесь все прошло хорошо.

Камин разжигали последним. – Господи, благослови! – прошептала бабушка, поджигая сухие щепки в его глубине. Но тот лишь привередливо чихнул, пустив дым прямо в комнату. Причиной капризов стал изгиб дымохода: из-за него не хватало тяги. Пришлось дедушке снова браться за инструменты, разбирать свежую кладку и исправлять огрехи. Это были дни трудной работы над ошибками, но мастерство победило.

Зато когда камин наконец перестал упрямиться, поймал тягу и ровно, мощно загудел, а из трубы на крыше повалил чистый, красивый дым, дедушка с бабушкой наконец-то смогли облегченно выдохнуть. Они сели друг напротив друга у теплого живого огня и, никуда не спеша, налили по

кружке вкусного, душистого чая.

На этих словах девочка будто наяву ощутила запах чая с чабрецом и медом. Она встала. Подошла к камину и задумчиво провела пальцами по его холодному, белому боку, как по живой истории.

Кресло скрипнуло вновь, будто отмерило: - Ты талантливая девочка. И ты талантлива именно потому, что тебе страшно.

Твой страх - это не слабость, это чуткость. Равнодушные люди не боятся чистого листа, они просто заполняют его пустыми словами. А ты чувствуешь вес каждого слова, видишь красоту этого мира и боишься не дотянуться до нее. Этот трепет, эта способность замечать детали, сопереживать и чувствовать чужую боль сильнее, чем другие, - и есть твой главный дар.

Не бойся ошибаться, спотыкаться и нарушать правила. Бумага все примет! Миру нужен твой живой, угловатый голос! Действуй здесь ... Договорить оно не успело. В дымоходе резко зашуршало, грохнуло, и вниз полетела сажа.

Девочка втянула голову в плечи. В ту же секунду из каминного кубарем выкатился маленький дымный зверек.

- Фу-у-ух. – выдохнул зверёк тоненьким, пронзительным голосом. – Давненько я не спускался к вам в гости. И чего вы сидите такие грустные?

Девочка открыла рот от удивления, во все глаза рассматривая гостя. Зверёк был соткан из теней и света. Его шерст-

ка струилась, будто живой дым, а глаза горели яростными угольками.

Нисколько не удивившись, кресло мерно скрипнуло: - Ну вот, а ты говорила – утро плохое. Гляди, какое чудо к нам пожаловало!

Зверёк посмотрел на кресло, фыркнул и прыгнул на каминную полку. Устроившись поудобнее, он уставился на девочку: - Утро плохое? Рассказывай, что за беда? Чем смогу – помогу! – и хитро подмигнул ей своим угольным глазом.

- Кстати, меня Аш зовут.

- Аш? – заговорщически переспросило кресло. – Аш так Аш! Замуж невтерпёж! Девочка прыснула, окончательно разрядив обстановку в комнате.

- Все-то ты, старое, шутишь, - беззлобно фыркнул Аш. – Ну да ладно, в чем проблема?

- Хочу писать. Очень хочу, но боюсь, - призналась девочка. - Чистый лист вгоняет меня в ступор, аж ладошки потеют, и я ничего не могу придумать.

- Ой, нашла из-за чего страдать! Мне эта тема знакома, и мы справимся с ней легко. Скоро твой страх развеется как дым.

- Берешь чистый лист и пишешь своему страху письмо, - горячо заговорил Аш. – Пишешь все, что ты о нем думаешь. Пишешь быстро, не подбирая слов, не думая о правилах, не стесняясь! Все равно твое письмо никто никогда не прочитает. А потом сжигаешь его – вместе со своим страхом. По-

нятно?

Не успела девочка ответить, как неожиданно для всех с каминной полки подал голос золотой слон-часы. – А про меня забыли? – спросил он низким, густым басом. – Мне тоже есть что сказать. Слон медленно повернул тяжелую голову в сторону девочки и слегка приподнял хобот. Круглые часы на его спине мерно тикали в ритме 60 ударов в минуту.

- Все так, Дым, все так, - гудел слон. – Но легкость, не означает хаос. Посмотри на мою стрелку. Она не бежит вперед. Она просто делает один шаг. Тик. А потом еще один. Так. Мой секрет в том, что я не думаю о конце пути. Я просто делаю следующий - так. Мы – слоны, архитекторы джунглей. Знаешь, как мы их строим? Мы не чертим схемы на бумаге. Мы просто идем напролом. Мы прокладываем дороги в непроходимых чащах своей собственной массой, своим телом, шаг за шагом уминая дикие заросли. И там, где мы прошли, образуется тропа, по которой за нами смогут пройти другие.

Слоновые тропы открывают доступ солнечному свету к нижним ярусам леса, позволяя расти новым травам и побегам, которыми питаются мелкие травоядные. В засушливый период мы копаем бивнями и ногами глубокие ямы в высохших руслах рек, чтобы добраться до грунтовых вод. Такие водоемы спасают жизнь тем, у кого нет сил копать землю самостоятельно.

Твой талант – это твоя сила. Писать – значит идти сквозь

хаос своих мыслей и страхов, пробивая дорогу своим сердцем. Твой текст, твоя история станет той самой тропой, который выведет кого-то другого из его собственных джунглей, приведет к источнику живой воды и утолит его жажду.

Слон сделал небольшую паузу, и шестеренки на его спине тихонько отмерили – так.

- А теперь посмотри на часы, что я несу на спине. Видишь стрелки? Люди привыкли жить по Хроносу. Это линейное, холодное, бездушное время будильников, дедлайнов и строгих расписаний. Хронос требует: «Пиши сейчас, потому что надо!».

А душа молчит. Творчество не подчиняется Хроносу. Для него существует другое, живое, качественное время – Кайрос. Бог счастливого случая и удачного мгновения.

Кайрос – это мгновение, когда внутри тебя вдруг что-то щелкнет, и ты уже не можешь не писать. Когда за окном красиво падает свет, и приходит озарение, когда поднимается солнце над лесом, и в голове рождается первая строчка. Когда вдруг, неожиданно, приходит ясность и сразу все встает на свои места.

Твой дар – не служить часовой стрелке, а ловить свой Кайрос. Жди этот момент, чувствуй его и, когда он придет, уверенно шагай вперед, пробивая свои джунгли.

Дымовой дух, внимательно слушавший слона, вдруг сделал сальто в воздухе, рассыпая вокруг себя облачко мелких искорок, которые гасли на лету, и тоненько рассмеялся:

- Вот именно! Пробивай дорогу. Но делай это играючи, как будто ты просто гуляешь. Твой Кайрос уже здесь. Часы пробили правильное время! Выдохни – лови и лети вперед, сквозь свои джунгли.

- Подожди. Не гони! – притормозил суетливого Аша слон.
– Я открою тебе еще несколько важных секретов.

Первый – секрет твоей силы: «Когда-то давно тебя привязали к колышку словом «у тебя не получается» или «ты пишешь с ошибками». Ты поверила и решила: «Я не могу». Но это старая, тонкая ниточка! Ты выросла, прочитала много сказок, и в твоей голове сейчас живет целый мир. Твои мысли гораздо сильнее этой старой веревочки. Просто начинай говорить на бумаге».

Второй – секрет бамбуковой палочки: «Если я буду думать о том, как написать целую книгу, я тоже испугаюсь и скажу: «Я не смогу». Но большая история строится из маленьких кирпичиков. Не думай обо всем тексте сразу. Напиши сегодня всего одну строчку. Например: «Жила-была девочка...». А завтра добавь вторую. Текст вырастет сам, веточка за веточкой».

Третий – секрет дружбы с собой: «Ты боишься написать некрасиво или глупо? Мой хобот тоже иногда роняет бревно, когда я строю дома в джунглях. Это нормально! Давай договоримся: сейчас ты просто выплескиваешь свои мысли на бумагу. Как краску. Пусть там будут пометки и ошибки – мы не в школе. Мы просто играем в слова. А порядок на-

ведем потом».

- Слышала? У тебя уже есть все. Даже хобот есть - твоя рука. – усмехнулся Аш.

Девочка улыбнулась хоботу.

- Предлагаю три варианта для твоей истории. - Решительно сказал зверёк. - Прямо сейчас. На выбор!

Он загнул одну дымовую лапку:

- Первое. Жила-была девочка, которая боялась, что у нее ничего не получится. А потом к ней пришло утро. Обычное. И оно было теплое, даже без солнца.

Вторую лапку:

- Второе. У камина пропал голос. А без голоса он не мог рассказывать свои старые истории. И только одна девочка могла ему помочь.

Третью:

- Третье. Самая короткая. Однажды девочка проснулась и поняла: плохое утро – это когда сама себе его плохим сделала. А потом она взяла и передумала. Всё. Конец.

Аш хитро прищурился: - Выбирай любой.

Девочка помолчала секунду и твердо сказала: - Третье.

- Отличный выбор! – скрипнуло кресло.

- Тогда дописываем вместе, - оживился Аш. - Итак. Девочка проснулась и поняла: плохое утро – это когда сама себе его плохим сделала. Что дальше?

- А дальше... - девочка задумалась. – Она выглянула в окно и увидела птиц. Они не жаловались на дождь. Они просто

ели ягоды и радовались.

- Хорошо, одобрил Аш. – А потом?

- Потом она оглянулась вокруг, - подхватил олень, - увидела старого друга – кресло, камин, дымного зверька, золотого слона и поняла, что у нее все есть, чтобы придумать историю.

- И она продумала, - с улыбкой продолжила девочка. – Самую простую историю. О том, как плохое утро перестало быть плохим, потому что девочка просто взяла и передумала. А еще она поняла, что истории не случаются с нами. Мы их пишем сами. Прямо сейчас.

Кресло скрипнуло. Довольно. Олень качнул рогами. Бумага шелестнула. Аш зажмурился от удовольствия, Слон приподнял хобот.

- Ну что? – прогудел слон. – Кризису конец?

Девочка выпрямилась, расправила плечи, вдохнула и выдохнула.

- Конец! – уверенно сказала она. – Спасибо вам огромное!

Стол. Сиреневый блокнот. Чистый лист. Она быстро написала:

«Плохое утро бывает только у того, кто сам его таким сделал. А кто передумал – у того даже дождливый день превращается в начало доброй истории».

Перечитала. Закрыла блокнот. Откинулась на стуле. Внутри разлилось тепло. Уверенное. Тихое. Сиреневый блокнот больше не был пустым. Он дышал. Он пел.

За окном рассеялись тучи. Выглянуло яркое солнце.

И тут в комнату вошла кошка.

- Ну и долго ты собираешься бездельничать? – заявила он.

– Солнце уже вовсю светит. Пошли гулять за новыми историями.

Девочка улыбнулась. Встала.

- Иду.

Глава 2

Ночью девочка плохо спала и проснулась с тяжелым, противным чувством.

- Вот и солнца нет, пасмурно, дождливо, - отметила она с тоской, бросила взгляд на сиреневый блокнот на столе и прошлепала в соседнюю комнату.

Там она плюхнулась в старое кресло-качалку у камина. На днях в кресле появилась новая подушка – серо-шоколадная, в шотландскую клетку, и девочка утонула в ее мягкости. Кресло мерно укачивало: кач-кач, скрип-скрип.

Девочка повернула голову, за окном всюю щебетали птицы. Они весело порхали по высоким, раскидистым кустам ирги, склевывая последние, сладкие, сочные ягоды. Кусты были их домом – здесь они чувствовали себя полными хозяевами.

- И дождь им не помеха, подумала она. – Завтракают и радуются жизни!

Глядя на них, девочка повеселела: - Нет, не бывает плохого утра! Это все я сама придумала, от своей замороченности.

- Это точно! – раздался вдруг чей-то шёпот.

Девочка вздрогнула и повернула голову на голос. Изумрудный олень-бумажные рога, со стены перед ней, слегка качнул розовыми рогами. Изумлению девочки не было предела. А олень продолжал – и в его голосе слышался шорох

бумажный складок:

- Посмотри на мои большие ветвистые рога – это орган сверхчувствительности, они действуют как «антенны» души. Рога устремлены в небо и улавливают тонкие вибрации космоса, передавая их в сердце. Как нет двух одинаковых душ, так нет и двух одинаковых узоров на рогах. Тебе нужно меньше думать, а больше слушать свое сердце, свою душу и телесные сигналы. Когда тебе хорошо, то и душа улыбается.

Девочка заморожено слушала, а олень зашелестел дальше:

- Природа устроена так, что в ней все циклично. Взять, к примеру, твой творческий кризис. Страх чистого листа заложен в самой природе человека - он всегда связан с боязнью сделать первый шаг. Но этот шаг необходим для роста. Сбрасывание старых рогов – идеальный символ такого кризиса: чтобы выросло нечто новое и сильное, нужно пройти через болезненное расставание с прошлым.

Олень замолчал, и лишь бумага чуть слышно шелестела в тишине. Потом продолжил – тише, доверительнее:

И еще, милая, заметь: в старых историях герой часто следует за оленем в лес. Не потому, что олень знает дорогу. А потому, что олень чувствует, куда идти. Ты тоже боишься шагнуть в свою чащу – в чистый лист, в новую историю. Но если пойдешь не умом, а чутьем – лес сам расступится. Там и найдешь то, что искала.

Рога колыхнулись: - Я давно наблюдаю за тобой со стены, - негромко произнес олень. – Ты талантливая девочка.

Но помни: твой талант – это не обязанность быть идеальной. Твой талант уже живет внутри, позволь ему дышать.

Сказав это, олень повернул голову к окну и замер в своем привычном состоянии - будто поставил точку.

Девочка задумчиво молчала, переваривая его слова.

И тут кресло под ней чуть заметно скрипнуло: «скрип-скрип» и еще раз - «скрип-скрип». Следом раздался старческий, чуть потрескивающий голос, исходящий откуда-то из глубины подушки:

- Хорошо он тебе сказал, наш зеленый умник. Только вот беда... Искусство никогда не рождается в стерильной чистоте, оно прорастает сквозь грязь, битые кирпичи и шероховатости.

Девочка вздрогнула: - Кресло? Ты тоже говоришь?

- Приходится иногда, - проскрипело кресло. - Сидеть и слушать – это полезно, - продолжало оно. – Но мудрость мудростью, а истории рождаются не из советов. Они рождаются из живого, теплого действия. Ты же хочешь научиться их писать, верно? А сама боишься чистого листа и не знаешь, с чего начать.

Девочка кивнула, прикусив губу, и ее глаза увлажнились.

- Надо действовать! Действие решает все, - продолжало кресло, – возьми, к примеру, камин. Сейчас лето, и он пустой и холодный. А вот зимой, бывало, соберется вечером семья у камина, разожгут огонь – и он трещит, искрит, дышит жаром. Сколько историй я переслушала в такие вечера! Хотя

бы про этот камин – ведь он уникальный, другого такого во всем свете не сыщешь. Настоящее произведение искусства.

Кресло на секунду замерло, словно вспоминая что-то, а потом продолжило:

- Это не просто очаг, а целый печной ансамбль... Настоящий трехликий великанище: с камином, русской печью с плитой и отопительным щитком. В нем еще есть котел из труб, встроенный прямо в топку. Он забирает тепло от огня и передает его воде. По трубам вода разносит тепло по всему дому.

Его расположили строго посередине, ведь такой величественный ансамбль – это бьющееся сердце дома, объединяющее тепло русской печи и завораживающую магию камина. Побеленный по старинке известью, он сразу бросается в глаза с порога.

- Я помню, как твоя бабушка давным-давно рассказывала, как возводили этого великана... Зимой бабушка неделями по вечерам листала старые книги по печным работам, зачитывала вслух мудреные правила и искала идеальные схемы. Ей хотелось всего и сразу: и хлеб печь, и на огонь камина смотреть, и весь дом обогреть. В готовых чертежах такого чуда не было. Тогда она решила стать архитектором своего тепла. Сама придумывала, как сложить все хотелки вместе, часами разрабатывала проект и бережно, карандашом на тетрадных листочках в клеточку, рисовала порядовки – кирпичик к кирпичику...клеточка – полкирпичика...перевязки –

со смещением. Каждая линия на тех схемах была наполнена любовью и мечтой о доме, где никто и никогда не замерзнет.

Лето началось с большой кладки. В будни дедушка и бабушка уезжали на работу, а детям – твоей маме и младшему брату – давалось важное задание. К вечеру им нужно было отобрать ровные кирпичи, без сколов и пережога, чтобы хватало на целый ряд. Занести их в дом, опустить в воду, чтобы набрали влагу, и замочить глину для раствора. Каждый вечер дедушка начинал колдовать над схемами и кирпичами, а бабушка была у него на подхвате – подавала кирпичи и раствор, протирала инструмент и подбадривала мастера. Грязи, пыли и колотых кирпичей в доме, конечно, хватало, но это была приятная суeta созидания.

И так день за днем, кирпичик к кирпичику, шла работа. К середине лета наш будущий великан окреп, набрал силу и подрос до самого перекрытия...

Проход через потолочное перекрытие стал для дедушки настоящим экзаменом на мастерство. Нужно было не просто аккуратно обойти деревянные балки, но и выложить защитную кирпичную разделку – «распушку», чтобы защитить дерево от жара. Бабушка едва успевала отмывать нижний ярус печи от глины, пока дедушка с подмости подгонял каждый кирпич под самый потолок.

Отрывались листки календаря, худела стопка схем. Потихоньку великан пророс сквозь потолок двухканальным дымоходом и оказался на втором этаже. И здесь он обрел свое

продолжение. Рядом с основным дымоходом, прямо на стыке комнат, дедушка заложил еще одну полноценную печь – стройную комнатную «голландку». В отличие от кухонного гиганта снизу – это было изящная, чисто отопительная печь, со своей собственной, независимой топкой, но общей трубой.

Ближе к осени, с первыми желтыми листьями печь достроили. Пройти чердачное перекрытие дедушке уже не составило особого труда – опыт и верный расчет взяли свое.

Теперь работа закипела на чердаке, под самой крышей. Там, в полумраке среди стропил, двух-ходовая труба росла вверх на глазах, стремительно приближаясь к кровле. Дедушка поймал тот самый азартный рабочий ритм, при котором кирпичи ложились один к одному. Бабушка внизу только успевала поворачиваться: она буквально сбивалась с ног, поднимая по лестнице-стремянке то тяжелые ведерки с раствором, то свежие кирпичи. Настоящий семейный подряд, где каждый понимал друг друга без слов.

И вот наступил долгожданный день, когда дедушка прорубил окно в кровле, и труба наконец шагнула в чистое осеннее небо... - тут кресло замолчало и мерно закачалось.

- А дальше? Что было дальше? – с любопытством затормошила девочка кресло.

- О-хо-хо... - подало свой скрипучий голос кресло вновь.

- Дальше была первая растопка. Для всей семьи наступил момент огромного, почти осязаемого волнения. Это был на-

стоящий экзамен для дедушкиных рук и бабушкиного проекта. Разжигали строго по очереди, внимательно прислушиваясь к каждому звуку внутри печного лабиринта. Первый довольный вздох ожившей русской печи вызвал улыбку на сосредоточенных лицах дедушки и бабушки.

- Ну что! Дело пошло! – воскликнул довольный дедушка.

Следом дошла очередь и до печи на втором этаже. Стройная голландка запела веселым гудением – и здесь все прошло хорошо.

Камин разжигали последним. – Господи, благослови! – прошептала бабушка, поджигая сухие щепки в его глубине. Но тот лишь привередливо чихнул, пустив дым прямо в комнату. Причиной капризов стал изгиб дымохода: из-за него не хватало тяги. Пришлось дедушке снова браться за инструменты, разбирать свежую кладку и исправлять огрехи. Это были дни трудной работы над ошибками, но мастерство победило.

Зато когда камин наконец перестал упрямиться, поймал тягу и ровно, мощно загудел, а из трубы на крыше повалил чистый, красивый дым, дедушка с бабушкой наконец-то смогли облегченно выдохнуть. Они сели друг напротив друга у теплого живого огня и, никуда не спеша, налили по кружке вкусного, душистого чая.

На этих словах девочка будто наяву ощутила запах чая с чабрецом и медом. Она встала. Подошла к камину и задумчиво провела пальцами по его холодному, белому боку, как

по живой истории.

Кресло скрипнуло вновь, будто отмерило: - Ты талантливая девочка. И ты талантлива именно потому, что тебе страшно.

Твой страх - это не слабость, это чуткость. Равнодушные люди не боятся чистого листа, они просто заполняют его пустыми словами. А ты чувствуешь вес каждого слова, видишь красоту этого мира и боишься не дотянуться до нее. Этот трепет, эта способность замечать детали, сопереживать и чувствовать чужую боль сильнее, чем другие, - и есть твой главный дар.

Не бойся ошибаться, спотыкаться и нарушать правила. Бумага все примет! Миру нужен твой живой, угловатый голос! Действуй здесь ... Договорить оно не успело. В дымоходе резко зашуршало, грохнуло, и вниз полетела сажа.

Девочка втянула голову в плечи. В ту же секунду из каминного кубарем выкатился маленький дымный зверек.

- Фу-у-ух. – выдохнул зверёк тоненьким, пронзительным голосом. – Давненько я не спускался к вам в гости. И чего вы сидите такие грустные?

Девочка открыла рот от удивления, во все глаза рассматривая гостя. Зверёк был соткан из теней и света. Его шерстка струилась, будто живой дым, а глаза горели яростными угольками.

Нисколько не удивившись, кресло мерно скрипнуло: - Ну вот, а ты говорила – утро плохое. Гляди, какое чудо к нам

пожаловало!

Зверёк посмотрел на кресло, фыркнул и прыгнул на каминную полку. Устроившись поудобнее, он устался на девочку: - Утро плохое? Рассказывай, что за беда? Чем смогу – помогу! – и хитро подмигнул ей своим угольным глазом.

- Кстати, меня Аш зовут.

- Аш? – заговорщически переспросило кресло. – Аш так Аш! Замуж невтерпёж! Девочка прыснула, окончательно разрядив обстановку в комнате.

- Все-то ты, старое, шутишь, - беззлобно фыркнул Аш. – Ну да ладно, в чем проблема?

- Хочу писать. Очень хочу, но боюсь, - призналась девочка. - Чистый лист вгоняет меня в ступор, аж ладошки потеют, и я ничего не могу придумать.

- Ой, нашла из-за чего страдать! Мне эта тема знакома, и мы справимся с ней легко. Скоро твой страх развеется как дым.

- Берешь чистый лист и пишешь своему страху письмо, - горячо заговорил Аш. – Пишешь все, что ты о нем думаешь. Пишешь быстро, не подбирая слов, не думая о правилах, не стесняясь! Все равно твое письмо никто никогда не прочитает. А потом сжигаешь его – вместе со своим страхом. Понятно?

Не успела девочка ответить, как неожиданно для всех с каминной полки подал голос золотой слон-часы. – А про меня забыли? – спросил он низким, густым басом. – Мне тоже

есть что сказать. Слон медленно повернул тяжелую голову в сторону девочки и слегка приподнял хобот. Круглые часы на его спине мерно тикали в ритме 60 ударов в минуту.

- Все так, Дым, все так, - гудел слон. – Но легкость, не означает хаос. Посмотри на мою стрелку. Она не бежит вперед. Она просто делает один шаг. Тик. А потом еще один. Так. Мой секрет в том, что я не думаю о конце пути. Я просто делаю следующий - так. Мы – слоны, архитекторы джунглей. Знаешь, как мы их строим? Мы не чертим схемы на бумаге. Мы просто идем напролом. Мы прокладываем дороги в непроходимых чащах своей собственной массой, своим телом, шаг за шагом уминая дикие заросли. И там, где мы прошли, образуется тропа, по которой за нами смогут пройти другие.

Слоновые тропы открывают доступ солнечному свету к нижним ярусам леса, позволяя расти новым травам и побегам, которыми питаются мелкие травоядные. В засушливый период мы копаем бивнями и ногами глубокие ямы в высохших руслах рек, чтобы добраться до грунтовых вод. Такие водоемы спасают жизнь тем, у кого нет сил копать землю самостоятельно.

Твой талант – это твоя сила. Писать – значит идти сквозь хаос своих мыслей и страхов, пробивая дорогу своим сердцем. Твой текст, твоя история станет той самой тропой, который выведет кого-то другого из его собственных джунглей, приведет к источнику живой воды и утолит его жажду.

Слон сделал небольшую паузу, и шестеренки на его спине тихонько отмерили – так.

- А теперь посмотри на часы, что я несу на спине. Видишь стрелки? Люди привыкли жить по Хроносу. Это линейное, холодное, бездушное время будильников, дедлайнов и строгих расписаний. Хронос требует: «Пиши сейчас, потому что надо!».

А душа молчит. Творчество не подчиняется Хроносу. Для него существует другое, живое, качественное время – Кайрос. Бог счастливого случая и удачного мгновения.

Кайрос – это мгновение, когда внутри тебя вдруг что-то щелкнет, и ты уже не можешь не писать. Когда за окном красиво падает свет, и приходит озарение, когда поднимается солнце над лесом, и в голове рождается первая строчка. Когда вдруг, неожиданно, приходит ясность и сразу все встает на свои места.

Твой дар – не служить часовой стрелке, а ловить свой Кайрос. Жди этот момент, чувствуй его и, когда он придет, уверенно шагай вперед, пробивая свои джунгли.

Дымовой дух, внимательно слушавший слона, вдруг сделал сальто в воздухе, рассыпая вокруг себя облачко мелких искорок, которые гасли на лету, и тоненько рассмеялся:

- Вот именно! Пробивай дорогу. Но делай это играючи, как будто ты просто гуляешь. Твой Кайрос уже здесь. Часы пробили правильное время! Выдохни – лови и лети вперед, сквозь свои джунгли.

- Подожди. Не гони! – притормозил суетливого Аша слон.
– Я открою тебе еще несколько важных секретов.

Первый – секрет твоей силы: «Когда-то давно тебя привязали к колышку словом «у тебя не получается» или «ты пишешь с ошибками». Ты поверила и решила: «Я не могу». Но это старая, тонкая ниточка! Ты выросла, прочитала много сказок, и в твоей голове сейчас живет целый мир. Твои мысли гораздо сильнее этой старой веревочки. Просто начинай говорить на бумаге».

Второй – секрет бамбуковой палочки: «Если я буду думать о том, как написать целую книгу, я тоже испугаюсь и скажу: «Я не смогу». Но большая история строится из маленьких кирпичиков. Не думай обо всем тексте сразу. Напиши сегодня всего одну строчку. Например: «Жила-была девочка...». А завтра добавь вторую. Текст вырастет сам, веточка за веточкой».

Третий – секрет дружбы с собой: «Ты боишься написать некрасиво или глупо? Мой хобот тоже иногда роняет бревно, когда я строю дома в джунглях. Это нормально! Давай договоримся: сейчас ты просто выплескиваешь свои мысли на бумагу. Как краску. Пусть там будут пометки и ошибки – мы не в школе. Мы просто играем в слова. А порядок наведем потом».

- Слышала? У тебя уже есть все. Даже хобот есть - твоя рука. – усмехнулся Аш.

Девочка улыбнулась хоботу.

- Предлагаю три варианта для твоей истории. - Решительно сказал зверёк. - Прямо сейчас. На выбор!

Он загнул одну дымовую лапку:

- Первое. Жила-была девочка, которая боялась, что у нее ничего не получится. А потом к ней пришло утро. Обычное. И оно было теплое, даже без солнца.

Вторую лапку:

- Второе. У камина пропал голос. А без голоса он не мог рассказывать свои старые истории. И только одна девочка могла ему помочь.

Третью:

- Третье. Самая короткая. Однажды девочка проснулась и поняла: плохое утро – это когда сама себе его плохим сделала. А потом она взяла и передумала. Всё. Конец.

Аш хитро прищурился: - Выбирай любой.

Девочка помолчала секунду и твердо сказала: - Третье.

- Отличный выбор! – скрипнуло кресло.

- Тогда дописываем вместе, - оживился Аш. - Итак. Девочка проснулась и поняла: плохое утро – это когда сама себе его плохим сделала. Что дальше?

- А дальше... - девочка задумалась. – Она выглянула в окно и увидела птиц. Они не жаловались на дождь. Они просто ели ягоды и радовались.

- Хорошо, одобрил Аш. – А потом?

- Потом она оглянулась вокруг, - подхватил олень, - увидела старого друга – кресло, камин, дымного зверька, золо-

того слона и поняла, что у нее все есть, чтобы придумать историю.

- И она продумала, - с улыбкой продолжила девочка. - Самую простую историю. О том, как плохое утро перестало быть плохим, потому что девочка просто взяла и передумала. А еще она поняла, что истории не случаются с нами. Мы их пишем сами. Прямо сейчас.

Кресло скрипнуло. Довольно. Олень качнул рогами. Бумага шелестнула. Аш зажмурился от удовольствия, Слон приподнял хобот.

- Ну что? – прогудел слон. – Кризису конец?

Девочка выпрямилась, расправила плечи, вдохнула и выдохнула.

- Конец! – уверенно сказала она. – Спасибо вам огромное!

Стол. Сиреневый блокнот. Чистый лист. Она быстро написала:

«Плохое утро бывает только у того, кто сам его таким сделал. А кто передумал – у того даже дождливый день превращается в начало доброй истории».

Перечитала. Закрыла блокнот. Откинулась на стуле. Внутри разлилось тепло. Уверенное. Тихое. Сиреневый блокнот больше не был пустым. Он дышал. Он пел.

За окном рассеялись тучи. Выглянуло яркое солнце.

И тут в комнату вошла кошка.

- Ну и долго ты собираешься бездельничать? – заявила она.

- Солнце уже вовсю светит. Пошли гулять за новыми исто-

риями.

Девочка улыбнулась. Встала.

- Иду.

Красная шапочка с ушами

Жила была в одной деревне бабушка. Зимой она любила гулять по заснеженному лесу. Там у нее была своя тропа, которую приходилось топтать после каждого снегопада. На голове у бабушки была неизменная красная шапочка с ушами и козырьком – легкая и удобная. По этой шапочке и оранжевому пуховику бабушку знала вся деревня.

- Смотри, вон Красная Шапочка в лес пошла. Зайцев гонять! – говорили вслед.

Бабушка только улыбалась. В руках у нее неизменно были две красные палки для хотьбы.

- Так у меня четыре ноги, - смеялась она. – Точно не упаду.

В лесу снега хватало: к февралю набиралось по пояс. Там жила бабушкина лесная сказка. Палкой она рисовала на белом снегу улыбчивые мордочки, превращала нависшие на пнях и корягах сугробы в гусениц, леших и болотных кики-мор. Тропа как раз приводила к их болотцу.

Ходу по лесу туда и обратно было четыре километра. Но бабушка не любила спешить. Она наслаждалась прогулкой: могла присесть на поваленное дерево, могла остановиться и послушать труженика дятла, а могла просто стряхнуть на себя с веток снег, превращаясь в снежную бабу. Развлекалась.

Только в сугробы не ложилась. Пробовала раз – тяжело выбираться. Четыре ноги не помогут, если лежишь на спине.

В середине тропы росла её осина. Она её выбрала давно – ещё когда только начала здесь ходить. У осины всегда была остановка – по пути туда. Бабушка называла её хранительницей покоя. Говорила, что каждому надо иметь свою осину. У каждого дерева своя энергетика. А осина помогает снять негатив.

Бабушка обнимала дерево и стояла под ним. А потом, умиротворённая, шла дальше – к замерзшему болотцу на краю залива. Просто постоять и полюбоваться.

Весной сюда прилетят утки с журавлями, и жизнь закипит. А пока тишина и покой.

Однажды она стояла под осиной, пока снег не перестал падать на плечи. И вдруг за спиной хрустнуло. Внутри у бабушки что-то ёкнуло, но она не обернулась сразу. В лесу суэта – плохой помощник: сначала послушай, потом посмотри, потом уже удивляйся.

Из-за сугроба появился серый волк. Худой, с обледеневшими усами. Увидел под деревом красную шапочку с ушами и козырьком, оранжевый пуховик и две красные палки – и от удивления сел в снег.

- Ты кто? – хрипло спросил волк.

- Бабушка, - коротко ответила она, скрывая свое волнение. – А ты?

- Волк. Мне положено по сказке бабушку съесть.

- По сказке? – Бабушка немного успокоилась и поправила свою шапочку.

- Так-то в классической сказке. Там, милый, и печка сама ходит, и яблоня говорит. А у нас тут не сказка, а жизнь. В жизни бабушку в оранжевом пуховике никто есть не станет. Разве что дурак. А ты на дурака не похож – ты на замёрзшего похож. Есть меня не надо. Я старая, жесткая и в пуховике. Будешь потом неделю перья из зубов выковыривать.

Волк чихнул.

- Я не поэтому, - буркнул он, оправдываясь, - Я замёрз. И голодный. Но не настолько, чтобы есть оранжевую бабушку. Я на твой цвет чихаю.

- Ну вот, - улыбнулась бабушка. – Уже легче. Голодный, но с чувством вкуса. Пойдем со мной.

- Куда?

- По тропе. Туда и обратно – три километра выйдет. Если не отстанешь, дам чаю из термоса и бутерброд с сыром.

- Волки не пьют чай, - фыркнул серый.

- Может и не пьют. А замерзшим волкам еще как не помешает горячий чай.

Она вытащила из-под снега крепкую палку, обломала лишнее и протянула ему. Волк сначала взял палку в зубы, потом попробовал пристроить под лапу. Получилось неуклюже, но смешно.

- Вот и хорошо, - кивнула бабушка. - Теперь ты не просто серый волк, а серый волк с палкой. Солидно.

Они пошла по тропе: впереди бабушка, сзади волк. Бабушка рисовала на снегу улыбчивые мордочки, а волк смот-

рел и вдруг тоже ткнул палкой в сугроб. Получилась кривая, но очень старательная улыбка.

- У тебя талант, - заметила бабушка.

- Я всю жизнь думал, что мое призвание – пугать, признался волк. – А оказывается, можно просто рисовать.

Они дошли до замёрзшего болотца. Бабушка остановилась на краю залива и долго смотрела на заснеженную даль. Волк стоял рядом. Молчал. Тоже смотрел. Каждый думал о своем.

На обратном пути они снова поравнялись с осиной. Теперь бабушка остановилась ради волка. Тот ткнулся носом в ствол и застучал зубами.

- Эх, серый ты, серый, - вздохнула бабушка и поправила рукавицей заснеженную ветку. – Налетел на дерево в мороз и зубами защелкал. Разве так зимой с осиной разговаривают? Она сейчас застыла, спит, кору стужей стянуло. Будешь силу ломить – она тебе лапы отморозит или веткой по хребту перетянет. Слушай и запоминай, как с зимней осиной дело иметь, коли замерзнуть не хочешь.

Волк наострил уши и замер.

- Первое: знай, куда за чем ходить.

К лиственнице иди, коли лапы подкосились, выносливости не хватает или дух твой волчий надломлен. Она в нашей Сибири царица, тверже камня.

Лиственница стойкости научит, хребет укрепит, чтоб ни один буран тебя с ног не сбил. Она силу дает.

А осина – другое. Она не кормит энергией, она лечит. Зимой зверю тяжело: голодно, тоскливо, страх ледяной в самое сердце заползает. Вот эту стужу душевную, отчаяние, да тоску лютую осина в себя заберёт.

Прислонись к ней, да не голым носом, а пушистым боком.

Почувствуешь, как по стволу будто ледяная судорога пробежала, – это она твою чёрную зимнюю беду в свои корни, глубоко под промерзшую землю утягивает.

Волк прижался к осине боком. Вздохнул.

- Второе: на морозе время вдвое короче, – продолжала бабушка. – Летом можно подольше постоять, а зимой – ни-ни.

Осина в холода берёт жадно, быстро. Чуть зазеваешься, лишнюю минуту проспичь у ствола – она твое живое тепло пить начнёт, кровь в жилах заморозит, уйдёшь пустым и слабым.

Как только почувствовал, что зубы стучать перестали, и тоска из груди ушла – сразу отшатывайся. Знай меру, серый.

Волк отшатнулся. Посмотрел на бабушку.

Зубы у него больше не стучали.

И тоска из груди ушла. Он сам не заметил когда.

- И третье, главное: как дерево отблагодарить, когда снег кругом да лёд?

Зеленой травки к корням не принесёшь, ленточку замёрзшими лапами не завяжешь.

Зимой обмен другой, суровый.

Поухаживай лапой: погладь, снег с веток стряхни аккурат-

но, освободи дерево от лишней ноши. Поделись дыханием: подыши теплым на замерший ствол, согрей живым духом кору. Оставь слово: скажи тихое волчье «спасибо» в морозный воздух. Слово твоё паром изо рта пойдет, в иней на ветках превратится, и дерево услышит. Вот тогда обмен будет честным.

И побежишь дальше по сугробам легким, сытым и весёлым.

Волк обтряс снег с нижних веток. Подышал на ствол. Потом сказал тихо:

- Спасибо.

Бабушка кивнула:

- Вот теперь правильно.

И они пошли дальше.

С тех пор в деревне стали замечать странную пару: бабушку в красной шапочке с ушами и козырьком и волка, который нес в зубах палку. Люди говорили:

- Смотри, вон Красная Шапочка в лес пошла. Зайцев гонять.

А бабушка улыбалась:

- Не зайцев. Волка выгуливаю. У него, бедного, энергетика не выровнена.

И только осина в середине пути знала, что сказка только начинается.